

ВИКТОР-ЯРОСВЕТ

Охватить всё

ПОИСК

Виктор-Яросвет

Охватить всё. Поиск

«Издательские решения»

Виктор-Яросвет

Охватить всё. Поиск / Виктор-Яросвет — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831014-0

Всё, что написано в романе, является истиной моей жизни. События описаны в режиме мгновений (фрагментов), которые так или иначе повлияли на саму жизнь, создали интерес, наполнение и направление всех событий, оставшихся за кадром. Ну да читайте, и после полного прочтения связь фрагментов станет очевидной, или не читайте, и тогда встреча станет случайностью взаимодействия элементов, мелькнёт искоркой (не у всех) и уйдёт в небытие.

ISBN 978-5-44-831014-0

© Виктор-Яросвет
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Глава первая	7
Глава вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Охватить всё Поиск Виктор-Яросвет

© Виктор-Яросвет, 2016

ISBN 978-5-4483-1014-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Виктор Вялков Нина Павлюченкова

Вступление

Всё, что написано в романе, является истиной моей жизни. События описаны в режиме мгновений (фрагментов), которые, так или иначе, повлияли на саму жизнь, создали интерес, наполнение и направление всех событий, оставшихся за кадром. Ну да читайте, и после полного прочтения связь фрагментов станет очевидной или не читайте и тогда встреча станет случайностью взаимодействия элеменов, мелькнёт искоркой (не у всех) и уйдёт в небытие. Это художественное произведение о жизни конкретных людей, живших с семидесятые, восьмидесятые, девяностые годы прошлого столетия и живущих сейчас. Роман находится в стадии – «Я пишу о себе»... не написал уже, а пишу, по мере исследования своей жизни.

Маленькое пояснение:

Что такое жизнь человека?.. Что влияет на события жизни?.. Почему она сложилась так, как сложилась, а не как-то иначе?.. Эти вопросы стоят перед всем человечеством, как и каждым конкретным человеком всегда. Религия и всевозможные учения говорят о душе, утверждают, что события жизни – это судьба, рок, карма, при этом неспособные даже объяснить, что такое душа, не говоря о её исследовании. Наука утверждает, что жизнь – это совокупность взаимодействия случайных величин. Квантовая механика выдвигает теорию запутанности ситуаций, которые появляются при пересечении, проникновении, аналогичности элементов взаимодействия.

Решил исследовать свою жизнь, ибо это то единственное для человека, что непреложно, как фактор происходящего. Пришёл к выводу, что, так называемая судьба, не зависит ни от чего и, прежде всего, от причинно следственных связей, но!.. зависит от некоторых мгновений (фрагментов) времени жизни человека. Именно эти мгновения (фрагменты) жизни влияют и определяют все события, саму жизнь, её наполнение – нахождения и потери, радости и печали. Жизнь человеческая, как некоторая картина жизни на экране матрицы развития.

Все люди, животные, растения и сама планета – это некий фильм на экране всеобщего сознания. Моменты жизни человека способные изменить жизнь, её событийное наполнение, я называю – моменты (фрагменты) истины. Это моменты выделения себя вне спектакля мистерии жизни общей и вхождение в мистирию уже другой версии жизни. Это, например: я играю в одном спектакле, выхожу и начинаю играть уже совсем в другом спектакле жизни. И в той и другой версии изменения неизбежны. В романе есть об этом, поэтому критика не принимается, это проба нового метода изложения, проба нового вида творчества, которое находится в стадии исследования. Дополнения и советы о методе изложения приветствуются.

Глава первая

Тяжело просыпался Елисей. Было ощущение, что он лежит под плотным покрывалом, но не просто покрывалом, а покрывалом из воды, будто тонны и тонны этой воды в виде одной капли, давили сверху, создавая ощущение безысходности, какого-то необоснованного страха и боли. Боли не физического тела, а просто боли. Не понимая причины такого состояния, он глаза открыть боялся, усиленно пытаюсь вспомнить хоть что-то, но в голове кроме липкой боли ничего не было.

Он вспомнил, что вчера... что же было вчера?.. Дьявольский шабаш на берегу пруда в виде купания в голом виде. Детали не хотелось вспоминать, но они лезли, будто пытались насладиться страданием состояния похмелья и омерзительности самого факта тех событий, о которых он ничего не помнит в связи своей жизни. Они вспоминаются вспышками, а не последовательностью осознания – вчера, сегодня, завтра.

Полная луна... пьяный угар, какие-то женщины... Они раздеваются, что-то кричат, смеются, время от времени лезут целоваться, уже в полуобнаженном виде. Он так же что-то говорит, смеется, лапая полуобнаженные, а потом уже и полностью обнаженные тела... видит, как они все, смеясь в пьяном угаре бегут в воду. Видит только голые женские тела и сам он так же полностью раздет. При лунном свете все выглядело как-то неестественно и смутно.

Что же было дальше? Он на земле лежал и смотрел на полную луну, которая почему-то была не одна... Разве может такое быть?.. но он точно помнит, как многолуние водило хоро-вод по небосводу, «луны» то пускались в дикой пляске, будто размножались, то снова в одну соединялись, но тогда этот лунный диск увеличивался, заполняя собою все пространство, и уже видел на фоне этого пространства пляшущих женщин в голом виде.

Елисей застонал от этих хлопьев воспоминаний, но они будто хватали его и бросали в другие сюжеты этого дьявольского пира. Вот он сидит на кровати в неубранной комнате и с кем-то чокается, что-то пьет... И все... провал... Как же ее зовут?.. хозяйку квартиры, где он был?.. Да и сейчас, по-видимому, он у нее, лежит на кровати и боится открыть глаза, желая только одного – никогда не просыпаться или умереть совсем.

Продолжая лежать с закрытыми глазами, Елисей прислушивался к звукам, но тишина была такая, что заболели уши и!.. вдруг в голову ворвался взрыв звуков... взорвалась сама природа, весь окружающий мир, солнце, небо, земля. Он вздрогнул от неожиданности. Этот взрыв вдруг проснувшейся природы будто выбросил Елисея из грязного похмелья в далекое детство... такое далекое, что дотянуться до него не представлялось никакой возможности.

Детство?..выбросило?.. Нет, это соломинка утопающего!.. за которую он пытается ухватиться, за то прекрасное мгновение своей жизни, чтобы совсем не утонуть в болоте своих же заблуждений и запутанности жизни. Он считал, что своими непредсказуемыми действиями и поступками привносит разнообразие в рутинную жизнь маленькой деревни после очередного похода за удачей в просторах необъятной страны. Что он ищет в этих просторах? Пока Елисей этого не знал.

Не знал, не понимал, что ищет он на просторах своей родины ту единственную, которую он сам же и создал для себя, как идеал, как миф, как мечту своей жизни. Ведь именно в ней, своей мечте он видел смысл своей жизни... Иначе, зачем он родился, зачем живет?.. должен же быть смысл в этом калейдоскопе бессмысленности существования. Прекрасно понимал, что это только миф, мечта, которую он придумал, чтобы оправдать то, что он живет, и живет не просто так, а потому что в его жизни есть великий смысл.

Сейчас ему было уже двадцать шесть лет, но та единственная не приходила. Она будто дразнила его, как ежик в тумане, всегда была рядом, но всякий раз в соседнем пространстве, закрытом от него пеленой тумана. Устав от постоянных походов, Елисей всегда приезжал

домой, в теплый и уютный домик своих родителей, но и здесь, глядя на важные и значительные лица деревенского обывателя, с ужасом и жалостью смотрящих на его никчемную жизнь одинокого волка, чтобы действительно не завывать от дикого однообразия, пускался в пляску вихревых потоков авантюризма.

Вот тогда его несло. Жизнь, в прямом смысле, шла в разнос, вовлекая в свою орбиту все новых обитателей обывательского островка, насыщая все пространство новыми энергиями. Деревня будто просыпалась, внутренне даже радуясь происходящему безумию. Мужики вдруг начинали видеть в женах не просто самок, а даже женщин и оказывалось, что эти женщины имеют что-то еще, кроме того, что имеет и умеет обыкновенная самка.

Самки же начинали вспоминать, что они не только особи женского пола, но и женщины, что жизнь не замыкается только семьей, а есть еще и другие прелести жизни, что на небе есть луна и звезды, есть романтика, авантюризм и наполнение жизни, и оно весьма разнообразно, даже если это и купание в голом виде в лунную ночь. Конечно, сразу же находились и такие, которые начинали яростно защищать свое обывательское существование, как лягушки защищают свое болото.

Жизнь в маленькой деревне была шаблонной, и деление шло по родам и фамилиям, но и эти фамилии были определены не сейчас, а в прошлом далеком или близком, в заслугах или недостатках. Иными словами, казалось, что молодые люди не имели своего лица, настоящее звучало эхом отцов и дедов, их достоинствами и недостатками, жизнь и характер которых определила еще та далекая революция, коллективизация и война.

Этот уклад жизни никто не нарушал и не потому, что никто не желал, а... от греха подальше. Поэтому любой всплеск в эту рутину устоя воспринимался, как посягательство на незыблемость нравственности и морали.

Разумеется, не все были таковыми, но никто и никогда не показывал своего внутреннего состояния, дабы не прослыть безнравственным и убогим. Были в этом укладе и минусы и плюсы, но эти минусы и плюсы не выходили за рамки сложившихся незыблемых традиций, они так же были определены, как допустимые... какой то незримой системой. И если кто-то набирался наглости перешагнуть эти рамки хоть в положительном, хоть в отрицательном направлении, становился, по определению, изгоем и дураком по которому «„тюрьма плачет“».

Елисей не боялся нарушать эти границы дозволенного, даже нарушал их с какими-то вызовом, отвечая всем, когда ему говорили, что по нему тюрьма плачет: «„пусть плачет, главное, чтобы я смеялся и“»... но что и, он не определял.

Нарушать эти законы незыблемости он начал еще в детстве и не потому, что он так плох, а наоборот, был развит не по уровню обывательского болота. Он постоянно пытался выйти из рамок, определенных для его семьи обывателями рутинной жизни и уклада, но когда давление становилось невыносимым, замыкался, создавая видимость смирения и покоя или уезжал шляться по миру. Благо, его родная сторона позволяла своим разнообразием набраться новых впечатлений и даже определить смысл жизни

Надо было все-таки просыпаться и вставать, утро все больше набирало силу. На улице стали появляться звуки не только просыпающейся природы, но и голоса людей и мычание коров, звон колокольчиков, что подвешены некоторым коровам на шею. Для него это значило наступление рабочего дня в деревенской глубинке. Полусонные дети и взрослые гнали коров на пастбище.

Можно было, конечно, поваляться еще часик, прежде, как идти в конторку, чтобы ехать на работу, но он был не дома, а... впрочем, какая разница... ««все рушится!.. куда?.. зачем?.. не знаю... все создается вновь и вновь!..»

Душа плакала, она не хотела возвращаться в это липкое ненужное существование. На поверхность сознания, будто из небытия, всплывали прекрасные моменты юности, как альтернатива той жизни, в которой он находится сейчас.

Он помнит, как когда-то он так же лежал на земле и смотрел на звезды, на луну. Он так же был не один, рядом лежала милая красивая девчонка, и они просто молчали, наслаждаясь этой удивительной тишиной, наполненной звуками ночного леса, почти неслышимыми, и звуками звёздного неба в самых высоких тонах звучания. Казалось, что этот звон идет из глубин пространства и времени, как хрустальная перекличка света, исходящего от далеких звезд, и они – два непорочных создания идут по Млечному пути, взявшись за руки.

Елисей протянул руку к своей подружке и она, почувствовав это движение, протянула свою. Он эту девчонку почти не знал, познакомился только сегодня днем. Тогда ему было всего семнадцать лет, столько же и ей. Как же ее звали?.. но почему звали?.. разве ее нет сейчас?.. К сожалению, а может к радости, для него ее уже нет. Она осталась там, в непорочной юности, как три дня чистоты и воспоминаний первого прикосновения к этой чистоте, еще непонятной, завораживающей, открывающей что-то новое и чарующее. Конечно, у него были подружки к тому времени, но здесь было что-то другое. Простое прикосновение к этому милому созданию вызывало какой-то внутренний трепет, ожидание, смущение, магнетизм и этот трепет был общим, а не его или ее.

Почему же так?.. и почему все изменилось?.. куда ушла та чистота отношений?.. Ведь и тогда он так же не признавал рутины и традиций застоя. Эта девчонка была не местная и потому привлекала своей новизной и детской непосредственностью. Она же не знала законов маленькой устоявшейся системы, она доверилась ему не как «своему парню», а как своему рыцарю на белом коне, который появился из голубого тумана грез и ожиданий неведомого, ведь только в таком возрасте эти рыцари еще существуют и появляются или уходят в мечту, порой навсегда.

Как же они сюда попали?.. Сейчас в двадцать шесть лет наверное это важно, тогда они просто шли подальше от деревни, в поле и так же незаметно пришли на опушку леса, который начинался километрах в двух от деревни. Он любил сюда приходить, но всегда один. Ему нравилось лежать на игольчатой подстилке в маленьком островке высоких сосен и смотреть в звездное небо.

Причудливые тени от качания верхушек этих сосен создавали иллюзию живого неба. Звезды будто игрались с ним в прятки, они то появлялись, то исчезали в кронах деревьев. Тогда он принимал условия игры и шел их искать, а идти можно было только по Млечному пути, по той обвораживающей звездной дороге, по которой испокон веков ходят все романтики, поэты и просто авантюристы.

И вот в этих звездных просторах что-то изменилось, будто само пространство открыло какую-то новую грань своего существования в виде этой милой, непосредственной девчонки.

– Как красиво-о! – произнесла подружка, которую звали Света, – звёзды будто в прятки играют.

Елисей не ответил, потому что в этом калейдоскопе мерцаний в кроне ночного леса он выбирал для нее подарок.

– Подари мне звездочку!.. самую маленькую...

– Почему звездочку?

– Я загадаю желание о том, чтобы мы всегда были вместе. Мне сегодня так хорошо и уютно и никуда не хочется уходить...

– Тогда тебе надо падающую звездочку. Но зачем дарить падающую, ее не надо доставать. Лучше я подарю тебе всю вселенную...

Елисей затаил дыхание от своей наглости.

– Щедрый ты. Но зачем мне вселенная?..

– Не знаю... – честно признался юноша, – чтобы не загадывать желания, наверное, а просто быть вместе и все.

Тогда она не приняла его дар, удовлетворилась падающей звездочкой, а он так и остался с этим огромным прекрасным букетом жизни, необъятности и таинственности. Как же они тогда были прекрасны, наивны, чисты! Он помнит, как она была напугана... нет, она боялась не его. Разве можно бояться рыцаря?.. разве рыцарь может обидеть, лишить чести?.. она боялась возвращения и не зря, потому что было уже три часа ночи и, как оказалось, их уже искала вся деревня.

Тогда он понял, что люди деревни защищают не чистоту, а незыблемость болотного существования. Многие в тайне мечтали о свободе, но боялись и потому готовы были уничтожить любого, кто нарушил негласные законы. Верили не в благородство человеческое, а только в установки традиций. И это было основой, но не справедливостью настоящего момента жизни. Важна была не чистота, непосредственность, а голые установки, которые установились в прошлом по признакам последнего века жизни.

Люди выполняли условия нравственности по инерции и только потому, что так есть и как дань традициям. А он?.. Разве он мог тогда посягнуть на чистоту?.. Разумеется, нет, но не потому что так принято, а потому, что иначе нельзя. Нельзя запачкать грязью кого-либо, не испачкавшись при этом сам.

Надо вставать и уходить... прежде он должен что-то вспомнить... Понял Елисей, что вспомнив что-то очень важное из своих воспоминаний, вновь обретёт смысл жизни, который, как ему казалось, потерял. Он поймёт, зачем живёт и почему всё так, как есть. Что он в жизни упустил своей?.. что-то очень важное... В сознание всплыл образ той самой милой девочки... он понял!.. Это понимание, как вспышка света, осветила всё его существо, превращаясь в океан бушующего пламени, проникая в каждый уголок, в каждую клеточку его существа.

Этот огонь прожигал каждое мгновение жизни, пытался разорвать на части, но чётко понимал, что если он позволит этому бушующему пламени разгореться, то сгорит, исчезнет в глубинах небытия, станет ничтожеством или совсем погибнет. Это же та самая «Жар птица», которую поймал тогда, в момент первого осознанного прикосновения к непорочности и чистоте вселенского существования. Но, чтобы удержать Жар птицу, нужно временем владеть (Огненным конём), и из темницы красную девицу освободить... Ведь только она способна усмирить Жар птицу.

Елисей пытался вспомнить, когда же он поймал её, ту самую Жар птицу и почему не может удержать?.. Понял вдруг!.. Тогда он хотел всю вселенную своей подружке подарить... Ведь эта вселенная и есть Жар птица. Она тогда сей дар не приняла, не потому что не хотела, а потому что поняла, что такой подарок ей не удержать, и теперь он просто приговорил себя к поиску той, которой дар такой будет по плечу. Он застонал от безысходности, понимая, что нет женщины такой на всей Земле... кто же способен усмирить океан бушующего пламени?..

«Где ты?.. лада моя ненаглядная?.. ведь только ты, неведомая, единственная!.. можешь погасить огонь, меня освободить».

— Но прежде ты, мой славный витязь, разбуди меня, приди ко мне, найди меня... — раздался голос в голове.

Вздрыгнул Елисей, глаза открыл, сердце стучало сильно, сильно. Всё тело жгло огнём, но появилось и состояние свободы. Состояние похмелья не исчезло, но уже не угнетало, просто надо подниматься и топтать на работу. Прежде осмотрелся, решив ничему не удивляться. Лежит в постели, только понять не может, где?.. что-то знакомое... он раньше здесь бывал, но не понимал, как он попал сюда сегодня и что, вообще, произошло вчера?..

Рядом с кроватью лежал матрац, и на нём лежала Люда. Вспомнил, что вместе с ней, в том числе, ходили купаться ночью... что-то ещё?.. Люда не спала, только как-то с укором на него смотрела.

— Как я сюда попал?.. спросил её, — вроде не сюда все собирались?..

— Я увела тебя оттуда.

– Зачем?

– А ты не помнишь?

– Нет... – в душе у Елисея только омерзение и ненависть к себе.

– Вырвала тебя из этой обители разврата.

– А ты не из этой обители?... и я?... разве не мы её создали?... Всю деревню трясёт от наших похождений.

Люда промолчала, задумавшись о чём-то. Немного погодя, встала и стала одеваться. Он видел, как она неохотно прикрывает своё нагое тело... почему?... потому что хороша?... Женщина будто почувствовала его немой вопрос, наклонилась и поцеловала нежно. Халат был не застёгнут, и он просто уткнулся в её чарующие груди, как младенец... хотелось плакать и больше ничего.

– Ты появился и всем, кого встречаешь, даришь свободу, необъятность...

– Распушенность, разврат, измену... – перебил Людмилу Елисей.

– Наверное – не возражала Люда, – но, видимо, пока мы так свободу понимаем.

– Вы? Может ты?... и я... – но не хотелось продолжать, просто спросил: – а ты почему спишь на полу?

– Так выгнал ночью...

Елисей смутился, даже покраснел, пробурчал невнятно:

– Чё послушалась?... выгнала бы, да и всё меня, твой ведь дом.

Но Люда будто забыла сразу, о другом заговорила:

– Тебя вчера мужики искали.

– Зачем?

– Зарубить грозились, искали-и...

– Искали, значит, не хотели зарубить, искали, значит, найти боялись... – философски сделал вывод Елисей.

Он поднялся, стал быстро одеваться. Надо было ещё домой заскочить, успокоить родителей и топать на работу.

– Ты всё-таки осторожней. На тебя и так смотрят, как на самого страшного врага. Ты ко мне приходи, я разведёнка, обласкаю, накормлю и напою.

Елисей будто внимания не обратил на её слова. Её глаза и так всё выражали. Не понимал, за что к нему внимание такое. В её глазах светилась просьба, она боялась потерять то состояние свободы, что он ей подарил.

– Говоришь, дарю свободу, а сама готова быть рабыней.

– Только у тебя. Мне ничего не надо, только те мгновенья, что дарить умеешь. Хватит мне. Пусть будет, сколько будет.

– Странно!.. обычно замуж все желают выйти, даже от мужей сбежать готовы... или не достоин я?

– Достоин!.. ты достоин королевы, только знаю я, что для тебя важнее свобода... даже важнее любви, потому и хочу поймать хоть то, что успеваю.

– Умна!.. Приду вечером, раз объяснения не потребуешь моих поступков.

– А если бы потребовала?... – в надежде смотрела на него.

– Я сам не знаю, потому и объяснять не стану.

За разговором Елисей оделся незаметно, встал, ей помог подняться, как-то грустно посмотрел:

– Пойду я, Люда.

Перед выходом остановился и спросил:

– Как думаешь, почему меня мужики не жалуют?... не все же жёны купаться ночью ходят... – он улыбнулся как-то загадочно, – ты ведь женщина, знать должна.

Люда посмотрела на него по матерински, да и так была старше лет на пять...

– Скажу, а ты подумай. С тобой купаться не все ходят, разумеется, но все хотят... не обязательно с тобой, но чтобы вот так, свободно.

– А с мужем чё, сходить нельзя?

– Не знаю, – пожала плечами Люда.

– Чудно-о!.. а я то здесь при чём?.. никого вроде не вытаскиваю силой из постели, да и сам не прыгаю ко всем подряд?.. Надо пить завязывать – подвёл итог.

– Понятно, что водка виновата...

Елисей понял, что она уже иронизирует, решил немного озадачить...

– Скажи, а ты могла бы от меня всю вселенную в дар получить?

Ответа ждать не стал, а вышел на улицу, которая встретила его утренней свежестью августовского дня, вымывая из сознания всё похмелье. Первое, кого увидел, это своего отца на другой стороне улицы. Он шёл неспешно и осторожно, будто боялся, что кто-нибудь его увидит. Понял, что ему стыдно за него, ведь в деревне всё и всем известно, а он ему отец. Опять у Елисея сердце заболело... «Они переживают, боятся за него». По своей молодости он ещё не понимал, как больно видеть неустроенность своих детей, но понимал и то, что он ломает в них, прежде всего, ту сложившуюся в деревне роль их семьи, фамилии, что им определили. Кто определил?.. Это не важно, он просто ломает, даже не задумываясь ни о чём.

Лет пять тому, чаще его ломали, сейчас он сильным стал, и это навело его на мысль, что правильно он делает, что жить спокойно не даёт, пора менять систему жизни по заслугам или недостаткам предков. Это осознание подняло настроение, и он полностью оправившись от похмельного синдрома, направился к отцу. Хотелось успокоить добрым словом, пообещать исправиться, он поймёт, конечно, что не изменится сыночек, но будет рад всё равно.

На улице безлюдно почти было, а те немногие, что были, внимания не обращали или прятали глаза, будто не он, а они в чём-то виноваты. Вдруг перед ним, как из-под земли появился Фёдор, маленький нудный мужичок, бобыль. Вспомнил, что этот Федя к Людмиле клинья подбивает или не к ней?.. не важно...

– Привет, Федя.

Тот не ответил, озирался только затравленно вокруг, потом процедил сквозь зубы:

– Пришибу тебя, урод, если ещё хоть раз появишься у Людки.

Елисей опешил, но подумал, что может и не следовало ему появляться... может у них что-то и получилось бы... но она ведь тоже человек.

– Ты за неё решил или только за себя?.. но всё равно, привет!.. Мужик с утра к удаче!.. а злой мужик, видать, к двойной удаче. – Он улыбнулся – топор прихватить не забудь.

Он знал, что не найдут его, не пришибут. Те, кто обещает, могут только угрожать, на большее просто не способны. Знал, что к вечеру Федя напьётся и зароется в какую нить нору. Такие люди на поступки не способны. Просто обошёл его, как столб, направился к отцу, вместе с ним отправились домой. На них, конечно же, никто внимания не обращал.

Елисея всегда удивлял один момент, что когда скрываешься или скрываешь что-то, что-то делаешь не то, как принято в деревне, то это таинство всегда известно всем и, главное, в мельчайших подробностях. Он даже гордился своими селянами, их талантом художественного оформления сплетен, как и любых событий. Не забывали рассказать и о причудах природы, мерцающем свете луны или жгучем свете солнца, чтобы событие обрело правдивость и значение.

На такие разговоры он не обижался. Напротив, зажигало и побуждало к открытым действиям, как вызов разговорам. Но за такие открытые дела селяне мстили, ведь у них отнимали возможность творчества в процессе сюжета обсуждения. Так и сегодня, он почти ничего не помнит, но к вечеру ему же всё про него расскажут, и он поверит в это, себя возлюбит или возненавидит, но и эти чувства только для того, чтобы опять напиться с «горя» или с «радости» и, в очередной раз пережить «Иронию судьбы»... в масштабах маленькой деревни.

Многие селяне просто ненавидели его, осуждали, но в этом осуждении он не видел осуждения. Скорее зависть, восхищение, ожидание чего-то нового, непредсказуемого даже, как купание ночное в голом виде. Он был холост и не обязан ничему и никому, мог свободно флиртовать, шутить, был скованно раскован, порой вульгарен чуть, но не злой и потому женщины позволяли ему немного больше того, что не входило в рамки нравственности и морали маленькой деревни. Он никак не понимал, почему забывают мужики, что и женщинам, кроме супружеских обязанностей нужна ещё и нежность, ласка, чувственность, романтика и восхищение их фигурой, магнетизмом, красотой.

Чаше такие нежности проходят в течение года после замужества или ещё раньше исчезают. Женщина становится без ласки бабой, самкой, в лучшем случае, матерью детей, и жизнь замирает будто, обливается душа слезами. Сначала душа пытается противиться, но после, смирившись, замирает.

Вдруг появляется свежий родничок живой водицы!.. Вот здесь-то начинаются все беды. Одни бегут, чтобы умыться, почувствовать прохладу родничка, другие, чтобы отдохнуть в его журчанье, но есть и третьи... Эти неряхи, они не любят чистую водичку, не любят перемен, и потому всеми силами пытаются избавиться от родничка, грязью забросать или подсыпать яда в виде осуждения, сплетен или прямого нападения. Конечно, родничок очистится со временем, только журчанье станет тихим, ровным, без звона хрусталя, а сама водичка помутнеет. В таких случаях родничок порою пробивается наружу, но не чистота, а всё дерьмо всплывает.

Ощущение, возникшее при пробуждении, целый день не проходило, ощущение, что он всю вселенную держит на руках. Эта вселенная, которую определил в образе Жар птицы, сверкала в виде изумительного бриллианта капелькой росы в преддверии рассвета. Непривычно было то, что эта капля осознавалась и чувствовалась бесконечной. Такая же маленькая, как росинка и бесконечная, как тысячи вселенных.

Воображение было развито у Елисея, но оно не было каким-то хаотичным, а управляемым и добрым. В бога он не верил, но верил в себя, понимал, что всё, что есть вокруг, что происходит, не происходит просто так, а только от него зависит, поэтому в своих ошибках или достижениях не винил никого, кроме себя, да и себя винить не видел смысла. Какой смысл виниться, каяться за то, что уже произошло и не вернётся?.. Не лучше ли понять ошибку, чтобы вновь не повторить?

Отчего такая тяжесть на душе?.. вот что понять необходимо. Конечно, можно всё спить на пьянку или на похмелье, но всё ли?.. Он вспомнил, что такое состояние капли, равной бесконечности, возникало перед любой болезнью или перед опасностью большой, обычно, как предупреждение, но и накачка силой в виде напряжения преодоления. Напряжение приводило Елисея не к раздражению, как принято считать, а к абсолютному покою. В такие моменты жизни мир виделся, как после грозы, обновлённым, чистым, а всё, не соответствующее этому покою, ощущалось где-то далеко за горизонтом, как отзвуки грозы, а не гроза.

Вот и сейчас, то состояние бесконечной капли стало исчезать, но появилась сила, которая сметала мысли блуда, похмельного волнения, суеты. На смену приходил покой натянутой струны, звенящей камертоном, без слов, без звуков и без света. Одна прозрачность, насыщенная мощью всех времён... Времён?.. Нет!.. не времён, это мощь одного мгновения, которое он пережил тогда, в свои семнадцать лет, когда дерзнул преподнести в дар непорочности самой и чистоте целую вселенную.

Почему они не встретились с подружкой?.. ведь любили!.. Вот сейчас он понял, что этот дар всё определил. Почему-то вспомнилось стихотворенье...

Что гроза в степи, влюблённый парень!..
Разорвись ты небо хоть на части,

Убегала девушка, а парень
Догонял грохочущее счастье.
Убегала!.. Ой, как убегала!..
А любила!.. ужас, как любила!..
Но!..
Парень стой!..

Он не послушал и ту вселенную-мгновение с собою взял. Это не страшно, скорее, тяжело мгновение нести, ведь время не стоит на месте, и чем дальше он уходит (взрослеет), тем мгновение тяжелее. Где-то в глубине души он понимал, что этот дар, что называется любовь души, ждёт впереди по жизни в темнице та единственная, которая в ларце хрустальном ожидает суженного для того, чтобы проснуться и умыться в капельке его росинки бесконечной.

Был вечер. Елисей к Людмиле шёл. Знал, что ждёт его Людмила, не Федю, а его. Пусть он не останется, пусть совсем исчезнет, но не исчезнет в памяти, как лучшее мгновение жизни. Что он делает по жизни?.. Дарит мгновения, что вечности равны, вот поэтому его и любят и многое прощают. Конечно, не всё безоблачно в его поступках, даже мерзко, иногда, но ведь всего одно мгновение чистоты способно через память всё омыwać и очищать. Вот эти мгновения и ловят, хоть и не понимают, для чего.

Кто-то грубо его остановил. Во!.. это уже реальность в том виде, как понимают люди, а значит и живут. Перед ним на тротуаре стоял Фёдор и два его друга. Они, все трое, нагло с вызовом смотрели на него. Елисей с досадой сплюнул... такое состояние души испортить... хотя... почему испортить?.. оно было, значит есть. Фёдор что-то сказать пытался, но Елисей его опередил.

– А где топор?.. – спросил его.

Видит, что все трое растерялись, замешкались, а он пока определил силу противника и уровень угрозы. Фёдора можно было в расчёт не брать, раз пригласил друзей, значит сам драться не готов. Удивился только, что Фёдор трезвый... видать, с утра готовил эту встречу и сам готовился на представленье посмотреть и насладиться пораженьем Елисея.

Дружок его?.. этот опасней, урка. Отсидел два года, только месяц, два, как вышел. Следует заметить, что в деревне маленькое хулиганство, даже если и тюрьма, полностью не отрицалось, по принципу – от суммы, да от тюрьмы не зарекайся... Звали его Толя. Понимал Елисей, что за Фёдора он не будет сильно драться, если сопротивление получит.

Третий?.. Этот всех опасней для него, этот любит драться. В деревне не верховодит и даже не пытается, для него драка вроде спорта. Но, опять же, хорошо, вот с него и следует начать, чтобы драку в спортивное состязание перевести. Тогда для него неважно будет, с кем и за кого, а только сам процесс.

Драки не боялся Елисей, даже любил, но не любил несправедливость. Трое на одного... считал не просто несправедливостью, а величайшей трусостью... Но знал ещё и то, что здесь не город, а деревня, где всё и всем известно становится в течении пяти минут. А это значило, что, не успев начаться, драка соберёт толпу зевак, помощников, друзей, а это уже не драка, а кулачный бой. Третьего звали Володя и он спросил:

– Какой топор?..

– Как какой?.. трое на одного?.. без топора никак, силы не равны, вот с топором, может быть, и был бы шанс, – нагло улыбнулся Елисей.

Интересно было... перед дракой, в ожидании, у Елисея дрожь по телу проходила. Он не понимал, думал от страха, но когда определялась неизбежность столкновения, его охватывала безмятежность, уверенность и смелость, радость появлялась и азарт. В такие моменты сознание прочищалось, реакция мгновенной становилась, и он терял себя, будто кто-то дрался

за него, хоть и он сам. Так и сейчас произошло, ждать не стал разборки, сам начал, ударил Федю в челюсть, как виновника сей трапезы и главного героя.

Этого, конечно же, никто не ожидал, как-никак, Россия, а в России даже первый снег, который выпал в Новогодний праздник, выпадает неожиданно. Одним словом: снег на голову или удар в челюсть, но неожиданно всегда. Вместо того, чтобы наброситься на Елисея, Володя с Толей поспешили к Феде, поднять пытались... а точнее, понять, почему же они, позванные нападать, попали в ситуацию защиты. Но понять так и не успели, так как в следующее мгновение из-за угла брат Федя появился. Он решил, что его брата бьют, бесстрашно бросился за брата заступиться, и драка началась.

Огорчился немного Елисей, но и мешать не стал, третий всегда лишний, не следует мешать, отошёл в сторонку, подождать решил, когда все разберутся. Мимо кто-то пробежал и, не раздумывая, в драку, а дальше уже что-то понять возможности не представлялось. Со всех сторон бежали люди. Мужики соскучились от долгого сидения без драки, показывали свою удалость. Кровь кипела, а тут такое счастье кулаками помахать. Уже и непонятно было, кто с кем бьётся.

Елисей отошёл немного в сторону и наблюдал, уйти как-то неудобно было. Огорчился чуть, что отношения не выяснить теперь, как тут разберёшь, да и где здесь, в этой кутерьме противника искать, которые его побить хотели. Кто-то сзади подошёл:

– Чё за буча?..

– Иди, спроси, – ответил Елисей.

Тот пошёл, но через минуту, держась за глаз, вернулся.

– Узнал?

Не ответил мужичок, видать не понял.

Обернулся Елисей, видит, вся улица заполнена людьми. Похоже, вся деревня собралась, кто кулаками помахать, кто просто поглазеть, не каждый день в деревне такое возможно усмотреть. Подумал про себя: что он-то здесь делает, ведь шёл куда-то, повернулся и пошёл. Он не оборачивался, слышал только, что гроза ещё гремела, но была где-то там, за горизонтом, а на душе опять спокойно, только от этого покоя хочется напиться.

У Людмилы было уютно и тепло, она на «представление» не ходила, его ждала. Когда зашёл, засуетилась, как девчонка, стала накрывать на стол.

– Подожди, не надо накрывать, я не голоден.

Но не слушалась Людмила, говорила без умолку, спрашивала, но видно было, что ответ не нужен ей, она просто время заполняла разговором. Интересно, вчера была такой раскованной и дерзкой. Первая разделась, и купаться побежала, увлекая и его, что-то кричала, обнимала, а сегодня будто изменилась, сама застенчивость и скромность.

Сзади подошёл, обнял и... замерла Людмила. Казалось даже, что остановилось сердце у неё. Елисей не понимал, как разобраться с тем, что происходит. Вроде радоваться надо, что столько в ней признательности, даже любви к нему, и он... как Дон Жуан... Дон Жуан?.. Зачем надежду в сердце ей вселяет?.. ведь понимал, что хоть и говорит, что всё равно, но всё равно не всё равно. Каждый человек счастливым хочет быть, но каждый по-своему счастье понимает. Он может осчастливить многих, но сам несчастлив будет, например.

– Подожди!.. – она выскользнула из объятий, достала водку и стаканы, – сначала выпьем, и ты мне расскажешь, что на улице творится, что за шум. – Быстро налила и выпила, его не дожидаясь.

– Что с тобой, Людмила?.. что изменилось за день?..

– Сегодня мы одни!.. – многозначительно произнесла, – ты помолчи... я всё сама, – подошла к нему, но отстранился Елисей, он ещё не пьяный был и понимал...

– Ты будто хочешь чем-то удивить меня?.. но, если честно, я неуютно чувствую себя, когда не понимаю что-то.

Но он как раз всё понимал...

– Ты выпей!.. – налила ему ещё, – и понимать ничего не надо будет.

Людмила явно, была в ударе, потому и чувствовался подвох. Не любил сюрпризов Елисей, особенно, когда видел вдруг преображение. Понимал прекрасно, что такие преображения сиюминутные. На время с человека слетает вся «одежда», и он чувствует себя свободным, как птица, вылетевшая вдруг из клетки.

Это состояние опасное весьма, птица, ощутившая свободу, вкусившая её, не понимает, что кроме свободного полёта, ещё и ответственность необходима. За свободу надо платить, чтоб удержать, иначе можно и не выжить или камнем пасть на землю. Мало взлететь, надо и приземляться научиться прежде.

– Подожди!.. – уже более настойчиво остановил Людмилу Елисей, – а как же принципы?..

Она недоуменно посмотрела на него:

– И кто мне говорит!..

– Я не о том. Игра игрой, но когда игра в реальность переходит, это равносильно тому, что птица, вылетевшая из клетки, назад не сможет повернуть. Это же совсем мир другой, реальность и возможности другие.

– И что?.. – чуть не плакала Людмила.

– А то, что те, кто не готов, плохо кончают.

– И как плохо?

– Спиваются, идут в разнос до полного самоуничтожения.

– Ты о себе?

– В том числе и о себе, меня будто поддерживает кто-то, а так давно бы уже с катушек съехал. Да и речь не обо мне, я сам иду на это, пусть и самоуничтожение, я полностью осознаю, понимаю и принимаю.

– И что ты предлагаешь?..

– Ничего – улыбнулся Елисей, – напьюсь-я... завтра выходной!.. гулять сегодня!..

– Я думала, что ты останешься сегодня у меня, – чуть не заплакала Людмила.

– Останусь, если не прогонишь, буду нежный, нежный, буду любить тебя, как пожелаешь, восхищаться красотой и... что ещё?.. – посмотрел лукаво на Людмилу.

– Ещё вселенную дарить...

– Не, вселенную не надо, не унести, слишком ноша велика – помолчал немного, – скажи, а как ты понимаешь такой дар?.. мало ли, что можно сказать, но, как говорят: слово не воробей, выскочило – не поймашь.

– Никак не понимаю, вот если бы букет цветов!..

– Цветы то тебе зачем?.. вон их сколько, смотри и наслаждайся, в деревне летом везде цветы.

– Это не то... – в задумчивости произнесла Людмила, – вот когда мужчина дарит, другое дело.

– Елисей успокоился, поняв, что птичка не вылетит из клетки, развернулся и быстро вышел, оставив Люду в большом недоумении. Когда вернулся с небольшим букетом ромашек, которые росли возле самого дома, Людмила чуть не плакала, думала, что Елисей совсем ушёл. Он же подошёл, загадочный и томный и вдруг колено преклонил:

– Прими букет цветов, царица!.. – протянул букет Людмиле и так близко, что руками груди задевал.

Людмила покраснела, в глазах две слезинки появились... но видел он, это уже игра, прекрасная и милая...

– Меня так ещё никто не привечал. Ты, вообще, какой-то не такой, вроде есть, и будто нету. Никогда не могу определить, где ты находишься. Чувствую, но не вижу, – она даже глаза для убедительности чуть прикрыла.

Огорчился Елисей:

– Заигрался я Людмила, надо на землю опускаться, а то ненароком где-нибудь прибудут, а я и не замечу.

Но Людмила продолжала, не слушая его...

– Чувствую, а не понимаю, ты где-то всегда внутри...

– Наливай, чтобы я вышел, наконец, – весело он перебил её.

Он и сам себя не понимал. Не понимал, почему он думает иначе... вроде не отличается ничем, но иногда его несёт. Зачем пришёл?.. чтобы красиво изъясняться или животные потребности удовлетворить?.. Не то и не другое, потому всегда и заканчивается пьянкой, а что там по пьянке происходит, не понятно, но это уже не жизнь, а оргия угара. Так и сегодня... он опять напьётся, что-то натворит и всё забудет... зачем всё это?..

Что интересно, так то, что если он авантюрист, то и авантюры не приходится искать, сами его находят. Так и сегодня, после выпитой водки, глаза азартом загорелись, а в сознании, будто динамо машина высокого напряжения включилась, выискивая во времени что-нибудь такое!..

В дверь кто-то сильно и настойчиво стучал. «Вот и притянул»... – подумал Елисей, встал, чтобы пойти открыть, но Люда его остановила:

– Не будем открывать, это, наверное, Галка. Опять от мужика сбежала.

Но Елисея жгло внутри, вот-вот в разнос пойдёт. Конечно, Люда рядом, но торопиться ни к чему, впереди вся ночь.

– Иди, открой сама, а то дверь сломает – сказал Людмиле, – сразу предупреди, чтобы не задерживалась долго.

Люда пошла. Через минуту, не вошли, ввалились... Галка в упор к Елисею подошла, бесцеремонно глядя на него. Елисей пристально смотрел на Галку, взгляд был пронзительный, она смутилась, но не отступила, мило улыбнулась, будто пришла к нему конкретно, чтобы в любви признаться или... кто их разберёт?.. женщин... Она приблизилась к нему так близко, что...

– Чего пришла?.. ведь говорила, чтоб не приходила – громко сказала Люда, вклиниваясь между ними.

Все были ещё не настолько пьяны, чтобы полностью освободиться от эмоций. Галка подошла к столу, налила водки и выпила.

– Муж то не выгонит?.. опять ко мне припрётся – Людмила подцепила.

– Муж?.. – помолчала чуть, – объелся груш, – засмеялась Галка. – Ты вот что лучше делай, Елисея прячь, мужики пьяные сюда идут, гряд: убьют его...

– Как это?.. – засуетилась Люда.

– Ты же не знаешь, что он натворил, пока к тебе дошёл... а он тоже, хорош, натворил и молчит. Вся деревня зализывает раны, у школы весь штaketник поломали.

– А он-то здесь причём?.. у меня был, он не мог штaketник поломать... трезвый ко мне пришёл. Чё ты мелешь?

– У него спроси – кивнула Галка.

Но Людмила не слушала уже, суетилась возле Елисея, не зная, делать что. Она даже не предполагала, что он так дорог ей.

– Может и правда, куда-нить от греха подальше, завтра остынут мужики, протрезвятся, – умоляла Люда.

У Елисея мысли вне времени крутились, варианты действий в сознании сменялись, как кадры в киноленте. Он всё прекрасно понял, даже представил, что и как, но убежать?.. да тайно, он не собирался, разве что, если поиграться, чтобы отбить охоту навсегда устраивать несправедливые разборки.

– Ты не суетись, Людмила, всё прекрасно... Эх блин!.. ноченька накрылась.

– Ты что делать собираешься?.. – спросила Люда.

– Убегать, – ответил Елисей, лукаво улыбаясь.

На улице всё темнее становилось, звёзды на небе загорались.

– Пойду я – наклонился к Люде, – ты не убегай, приду ещё, – помолчал немного, – а лучше вот что, приходи ко мне в лесочек... помнишь, рассказывал, где играли в детстве, там полянка классная, да и погода шепчет...

– Приду-у – чуть не плакала Людмила.

На улице шум приближался.

– Ладно, пошёл я, а вы скажите, что на станцию ушёл.

Прямо за деревней железнодорожная станция была, небольшая, но круглосуточно работала, а рядом Нижний склад, так назывался. Сюда древесину на машинах из лесу вывозили, здесь отгружали на железнодорожные вагоны и отправляли дальше. Древесина лежала большими штабелями, так там сам чёрт сломает ноги. Вот здесь-то Елисей решил их помотать, у него в такие моменты жизни включалось какое-то чутьё, будто в другой диапазон сознания переходил, более быстрый, точный, непреложный. Здесь даже мотать не надо, заманить поглубже в штабеля и скрыться, сами себе переломают ноги. Вот и поделом!..

Как он и думал, ждать пришлось недолго. Десяток пьяных мужиков шли к станции. Елисей, разумеется, не знал, прямо на станции под фонарём стоял, чтобы не увидели его, но вот досада... заметили. Деваться некуда, засуетился Елисей, думал, делать что... но так и не придумал ничего, как сбежать на Нижний склад, чтобы скрыться от преследователей пьяных.

Кто-то крикнул:

– Вон он, вон он, к штабелям бежит...

– Стой!.. – кто-то добавил, – наперерез ему, сзади прикрыть отход...

Отделились трое и в обход между штабелями побежали, чтобы перекрыть отход, остальные кинулись за ним.

– Стою, хоть дой, – пробурчал себе под нос, Елисей, чтобы напряжение хоть немного снять, – придурки, блин...

Он не отрывался далеко, но и дистанцию держал, главное, чтобы не потеряли его, был всегда в видимости света, что фонарями на столбах горел. Не понимали дурачки коварство Елисея. Он будто вызов бросил всему миру, мысли работали с быстротой молнии в сознание. Уходя всё дальше от деревни вдоль железнодорожного полотна, свернул между штабелями, но сразу притаился, он и не думал углубляться...

Когда преследователи углубились, выискивая Елисея в штабелях, вышел из укрытия и отправился к столбу, где рубильник был, которым свет включали. Подождал немного, понял по голосам и шуму, что уже довольно далеко зашли и выключил рубильник. Свет потух на всём Нижнем складе, стало темно, не зги не видно. Вытащил для страховки предохранитель и бросил рядом, подождал ещё немного и глубоко вздохнув, пошёл туда, куда Людмилу пригласил, в небольшой лесочек на окраине деревни.

Он слышал, как сначала наступила тишина такая, что даже жутко стало, куда все подевались?.. уж не случилось что?.. И, как специально, нет луны, так темно, хоть волком вой, но и волки воют на луну... пальцев на руке не видно. Остановился, подождал немного, небось кто-нибудь голос подаст, но так и не дождался. Когда к полянке подходил, услышал... даже не голос, дикий крик, будто кого-то убивают. Но этот крик для Елисея опять был где-то далеко за горизонтом, на душе стало светло и радостно, как после грозы, которая ушла за горизонт, оставив свежесть, чистоту и непорочность.

И опять Елисей на земле лежал, в небо смотрел, а звёздочки играли в прятки с облаками. Он принял условия игры и побежал их догонять с любимой вместе, которая в его мечте всегда жила, по Млечному пути. Немного кружилась голова, но радовало, что не от водки, всё уже

прошло, был трезв, как сокол ясный. Он радовался тому, что был сам собою удовлетворён сегодня. Знал Елисей, что завтра к нему претензии не будет, никто даже не признается, чтобы не подняли на смех, но знал и то, что Галка с Людой всё равно расскажут... «Запомнят, суки»... надолго Елисея, научился многому в своих скитаньях по России.

Но думать не хотелось ни о чём, он так хотел сейчас свою мечту увидеть, ту, что ещё в армии снилась ему... девушка с распущенной косой!.. которая в руках своих вселенную несёт, которую, конечно же, он ей подарит. И!.. она пришла!.. низко, низко наклонилась, поцеловала в губы. Было темно, и образ не менялся, хоть и понял, что это Люда, но пусть будет магнетизм той... из его мечты любимой.

Приподнялся, привлёк к себе:

– Милая!.. Царица нежности сегодня будешь для меня... – опрокинул нежно, навалился грудью. Он весь огнём горел каким-то неземным. Люда что-то сказать пыталась, но он ей пальцем рот прикрыл, она притихла...

– Где мужики?.. – спросила, немного погодя, опомнившись от ласок Елисея.

Он не ответил, да и слышно было вопли, что раздавались где-то там, далеко за горизонтом.

– Елисей!.. отпусти меня, я задыхаюсь, ты такой горячий... страшно мне!.. ты будто сам дьявол, как гора... не вижу я тебя, только чувствую и мощь... мне страшно. – Людмила попросила.

Он, действительно, горел огнём, и понял своё состояние, отпустил, упал на спину и затих, будто совсем исчез, уйдя в свою мечту к своей любимой.

Глава вторая

Порою кажется, что человеческая жизнь состоит из сочетаний, в той или иной форме, неких мгновений времени, каждое из которых является символом-буквой в общих событиях, мыслях, образах жизни. Этих мгновений-символов не так много, что-то типа букв в алфавите, но глубина и значение их велико, согласно пониманию человека. Пониманию?.. именно, пониманию, потому что основная часть человечества живёт без понимания значения этих микроскопических мгновений, из которых складывается жизнь.

Жизнь прожить?.. это будто мозаику сложить, собрать некую картину жизни и чем больше человек владеет пониманием символов, тем больше имеет влияния на события не только своей жизни, но и на события жизни общества, живёт в котором, не конкретными действиями, а только тем, что есть, живёт и знает.

Такие мысли стали Василисе приходить, когда был пройден уже не малый промежуток времени её жизни. Она стала замечать одну деталь, оглядываясь на прожитые годы, что если бы соединить некоторые символы-события из юности с сюжетом жизни уже более в зрелом возрасте, то он гармонично дополнил бы недостающее звено, которое сейчас приходится заполнять тоской, страданием и пустотой.

Что-то она делала не по возрасту рано (спешила жить), что-то откладывала на потом, что-то даже исключила, отложив в архив мечты, фантазии иль юных грёз в сознании своём. В итоге, в одном моменте жизни больше, в другом меньше. Больше и меньше чего?..

Надо не просто жить, а постоянно писать сюжет жизни своей, иначе кто-нибудь вторгнется и начинает писать за человека, неважно кто или что, обстоятельства, или необходимость общества, семьи... важно, что это жизнь уже не человека, а винтика какой-то дикой машины. Надо самому писать, как роман писать или стихотворение. Любила Василиса стихи писать, но не как профессионал, а сам факт сочетанья слов увлекал её, поэтому она писала на любом клочке бумаги или просто проговаривала в себе, наслаждаясь гармонией звучанья слов.

Разумеется, каждое новое стихотворение звучало иначе, и это увлекало ещё больше. А ещё Василиса любила вставлять себя в чей-то сюжет жизни, и тогда она проживала в мыслях жизнь героя, который ей понравился и это так же очень здорово казалось ей. Кроме того, эта фантазия часто увлекала её в плаванье по хрустальным просторам того пространства, где мысли зарождаются, живут и создают какой-то мир иной. Прекрасно было в таких походах то, что мысль человеческая, как материал для творчества, обладает удивительной пластичностью и над созданными образами время не имело власти.

Образы, созданные в детстве или юности, могли, конечно, пылиться на полках сознания некоторое время или совсем уйти в архив, но не исчезнуть полностью, ибо создавался всегда из чистых мгновений времени, ещё не связанных последовательностью течения, не связанных законом.

Жизнь!.. часто трудности, проблемы жизни закрывали эти чистые образы мыслетворчества, но Василиса всякий раз, если выпадала хоть минутка свободного времени, тщательно обтирала пыль с этих чистых мгновений жизни, что когда-то сотворила. Где-то на интуитивном плане понимала, что эти сотворённые образы детства, юности и старше до настоящего момента жизни, стоящие пока без дела на полках сознания, ей пригодятся, ибо, по-видимому, она их творила для чего-то или!.. кого-то, может для того единственного, который где-то есть.

Понимала Василиса, что её образы наполнены смыслом, чистотой и красотой, но и смыслом целостности и красоты звучания. Понимала и то, что нет целостности в одиночестве, и потому она вышла замуж, чтобы образовать семью, родить детей, считала, что только в исполнении предназначения самого факта рожденья есть смысл. Она женщина!.. смысл в очаге, рождении детей и продолженье рода.

Семья её радовала, но она не чувствовала целостности. Были дети, что радовали душу, были игры, увлечения, но не было полного удовлетворения собой, своею жизнью. Она понимала, что может больше, много больше, но неустроенность и усердие обустроиться отнимало много времени. Так и жизнь проходит и вот когда пройдёт, всё будет создано!.. пора будет собирать багаж. Для чего?.. детей?.. но так ли это?.. Всё меняется, и дети попадают в такие же условия, ибо для каждого поколения свои приоритеты.

Что же не хватает ей сейчас?.. чего-то из того, что сотворила в юности своей. Василиса углубилась в прошлое памяти своей. Тёплый летний день, дело к вечеру, но летние уральские ночи, где она жила, почти, как белые ночи в северных широтах и дело даже не в том, что не было темно, но ночь приходила медленно, будто опасаясь чуть сама себя. От светлого сиянья солнца переходила в лёгкий сумрак, который так же медленно в ночь переходил, зажигая потихоньку звёзды. Да и звёздочки не появлялись сразу и мгновенно, а сначала лёгким мерцанием напоминали о своем прибытии, будто игрались в прятки, то появляются, а то опять исчезнут. Но это поздно вечером, когда ложиться спать пора. Прежде птичка где-то за деревней всей округе известит об этом настойчиво и непреложно:

– Спать пора!.. Спать пора!.. – и будет кричать, пока, действительно, природа дня не успокоится и не затихнет.

Василиса любила встречать звёзд рождение в тишине сама с собой и!.. чьим-то присутствием, о котором возвещали мерцающие звёзды. Тогда ей было всего семнадцать или восемнадцать лет, а может больше чуть, но это и не важно, важно то, что молода, наполнена и жизнь вся впереди. Ей не хотелось никуда идти сегодня, настроилась книжку почитать, а после помечтать, но, в дом не зашла, ввалилась её младшая сестра.

– Василиска!.. пойдём гулять... та-ам такие парни!..

– И что?.. – недовольно откликнулась Василиса.

– Как что? Познакомимся.

Её не хотелось, но она пошла. Покрутились немного возле зеркала и побежали. Обычно молодёжь собиралась возле клуба, устраивали танцы, в волейбол играли, песни пели иногда, всё зависело от дня недели и времени суток.

Когда к клубу подходили, действительно, увидела двух парней, которые о чём-то весело переговаривались. В таких случаях чувствовала себя Василиса неуютно, понимая, что говорят о ней. Это ассоциировалось с рынком или базаром, будто оценивают, как товар.

Товар?.. а разве это плохо?.. Может важно это – иметь цену?.. Но она так не считала. Тот единственный, который из мечты, оценивать не будет... не должен, для него она бесценна, будет любить её, ласкать и с неба звёзды доставать.

Звёзды доставать?.. Голубой туман взросления, всегда кажется и хочется чего-то такого!.. такого!.. а чего?.. не важно. Ухватила крепко за руку сестрёнку, пытаюсь спрятаться за ней, и скорее проскользнуть мимо парней, что смотрят на неё, как на товар. Нет, она не была изгоем, училась в техникуме, домой только на каникулы приезжала, но и выставляться не любила на показ, тот единственный найдёт её и так, так считала по молодости лет.

Был август и в клубе устраивали проводы в деревне молодёжь, проводы тех, кто уезжал учиться или ещё куда. Важен повод был, а не сам факт прощанья. Настька, сестрёнка внесла и за неё в складчину деньги, шустрая была девчонкой. То, что это прощание радовало Василису, понимала, что уедет и всё изменится опять. Забудет о парнях, любви, в учёбу углубится, поэтому была раскована, даже дерзка, сияла внутренним огнём, хоть и не понимала это. Это было средством защиты от всяких ненужных проявлений внимания со стороны парней. Не понимала, что к этому огню слетаются не только рыцари герои, но и всякий гнус на свет стремится.

Вот и сегодня, как только кончилось застолье для неё, и танцы начались, Виталий пригласил её на танец. И было хорошо и весело, потому что она не оценивала никого конкретно, только сам образ праздника, веселья, танцев, веселилась молодость сама, своей энергией наполняя всю округу. Сама природа пела серенаду жизни в моменты, когда Василиса выходила подышать на свежий воздух.

Звёзды, мерцающие в небе, предлагали ей себя и не одна, а будто вся вселенная просилась к ней. Вселенная?.. подумала, что её возлюбленный наверное тот, кто всю вселенную подарит ей, и в следующее мгновение от этой мысли содрогнулась, но не от дерзости, а от того, что испугалась... Разве может быть такой человек на всей Земле?.. Ей пока даже букет цветов никто не подарил...

В самый разгар праздника гости появились из соседнего села. Притихла Василиса, мышкой сидела возле стенки, от танца отдыхала и думала, как бы выскользнуть и убежать домой. Знала и понимала, к чему такие визиты приводят. Вот тут-то всё и началось, к ней стал клинья подбивать один из «рыцарей», по-видимому, был привлечён её внутренним сиянием души.

Вроде радоваться надо, но сердце не желало, плакало, да и «рыцарь» был довольно пьян, и понимала Василиса, что это не ухаживание, а бравада пьяного высокомерного стилиста. Он не к ней внимание проявлял, а показывал своим друзьям, как он удал и само утверждался, как «первый» парень на деревне.

– Пойдёшь со мной танцевать!.. – не пригласил... будто потребовал.

Видно было, что он не терпит противленья, король среди... кого?.. Она тихо отказалась, чего, по-видимому, «рыцарь» даже допустить не мог, но чем настойчивее был, тем омерзительнее становился. В таком случае у Василисы смекалка появлялась...

– Ухаживаешь, ловелас, за дамой!.. научись сначала. Даже букет цветов не догадался прежде подарить.

«Рыцарь» кому-то сделал знак рукой и через пять, десять минут ему доставили букет, который он грубо, как ей показалось, протянул, типа – вот, возьми, и что теперь она на этот вечер полностью принадлежит ему. У Василисы даже слёзы появились, это были цветы с её клумбы возле дома. Она сама садила их, ухаживала и радовалась их цветению. Пришлые не знали, где она живёт...

– Это с моей клумбы... ухажёр... – хотелось дать ему по мерзкой роже... но оттолкнула и выбежала на крыльцо, чуть не плача.

«Рыцарь», было, бросился за ней, но кто-то из местных его остановил, назревала драка. Василиса не желала присутствовать при этом, спряталась недалеко в кустах и тихо плакала душой, но душа плакать не хотела, а увела её в мечту и грёзы.

Подумала, а что бы сделал в этом случае её единственный, в мечте который?.. и чётко увидела его!.. даже не его, его глаза – живые, озорные, чуть вульгарные, но добрые, как у ребёнка. Увидела, как он к ней руки протянул...

– А где цветы?.. – она спросила.

Растерялся юноша сначала, оглянулся. Прямо под ногами маленький цветок растёт... наклонился, чтобы сорвать, даже руку протянул, но в последний миг остановился и не сорвал, только нежно прикоснулся пальцем. Пристально в глаза ей посмотрел:

– Зачем тебе?.. ты хочешь, чтобы я убил цветок?..

– Как это, убил?..

– Сорву цветок, он без корней умрёт. Подарю тебе, он вспыхнет радостью твоей мгновенной, но это будет его мгновением последним.

– Выходит, это плохо – дарить девушкам цветы?

– Плохо дарить мёртвые цветы, они же убивают саму любовь, превращают в страсть человеческого эго. Вот ты считаешь, что твой несостоявшийся «рыцарь» высокомерен, а разве радость от подаренных цветов, замечу, мёртвых, не хуже того самого высокомерия?..

Василиса воссияла:

– Радость от внимания, от нежности, от взгляда, магнетизма, взаимно притяжения!.. но даже внимание должно как-то проявиться?.. если не букет цветов, то как?..

Он руки раскидал свои, будто раскрыл перед нею мир от края и до края:

– Возьми всё это (не уточнил) тебе дарю!.. Оно живое, наполненное красотой и нежностью, и как сама любовь, бездонна, безгранична.

Вспыхнула душа всеми красками природы, мир стал раскрываться... казалось, что меняться стало всё, или она оказалась в другом мире и только голос где-то глубоко внутри звучал, как родничок живой водицы:

– Весной цветущий сад по всей земле, летом зелень, солнца зной и хлопоты рожденья, заготовки и ухода в сочетании с природой, осенью налив плодов и жатва в переключке всех цветов всех красок мира!..

– А зимой?.. – тихо шептала Василиса.

– Зимой хруст снега, белоснежные поля, леса и горы, хрустальный звон снежинок во время лютого мороза, игра лучей в гранях снежинок изумрудных и тишина, звенящая при утренней заре.

Калейдоскопом картины в сознание пробегали, живые, манящие к себе глазами возлюбленного из мечты. Они будто были везде, и не было нигде, но она чувствовала, видела и понимала.

– Это сон!.. Это сон!.. Это сон!.. Разбуди меня мой милый!.. Приди ко мне!.. Найди меня!.. – она дрожала вся от напряжения... вздрогнула...

Кто-то за руку взял Василису. «Это он»!.. повернулась, перед ней стоял Виталий. Рука окровавлена, очнулась и отметила, что тишина вокруг, драка кончилась, прошёл и сон. Посмотрела на Виталика, и хоть он был пьян, но вся рука в крови, надо помочь.

Сейчас, когда прошло довольно много времени, она вдруг поняла, что потеряла то, что сотворила в юности своей – надежду на встречу со своей мечтой. Вышла замуж, родила детей!.. она, конечно же, любила или?.. хотела, чтобы так было. Замирала сердцем от прикосновения мужа, но взаимности не чувствовала в ответ. А может она себя обманывает просто?.. Нет, она пыталась те мгновенья, что сотворила в юности своей, вставить в свою жизнь, чтобы жизнь украсить и наполнить смыслом, но не получалось это в жизни. Как можно чистую мечту вставить в реальность, наполненную невежеством, изменой, пьянством?

Она ждала его, но... почему не дождалась?.. Так обстоятельства сложились?.. Всё видела, всё понимала и решила, что так нужно, все так живут – мать с отцом, соседи... Конечно, помогала добрым людям, даже бросая вызов всему миру, укладу, что душа не принимает. Да и был ли он, её герой?.. есть ли он?.. Только в мечте, но жизнь – не мечта, а очевидность, которая к смирению призывает. А может она когда-то что-то пропустила и не заметила за буднями событий?..

Не хотелось подниматься, но надо что-то готовить кушать, детей кормить... воспоминания не придали сил, потому что поняла, она смирилась и спрятала все образы мечты и грёз в архив сознания. Она смирилась с тем, что жизнь – неизбежность и не появится любимый, а если и появится, не подойдёт. Ей нести всю эту ношу жизни отныне до конца, но радовалась мимолётной встрече, ведь сегодня она встретилась с мечтой, а в мечте, как оказалось, всё сияет, как в былые времена, ибо там пыли нет и нечему пылиться.

Утерянные мгновенья не вернуть, а если и вернуть, то как можно вставить в сложившуюся картину жизни?.. и так сложить, чтобы мгновения, что очевидность жизни навязала, не мешали, а это раскаянье, хандра и пустота души... Пустота души?.. как такое, вообще, возможно?.. Надо всё промыть и обтереть, тогда душа опять наполнится хрустальным звоном, ведь даже в самых гнусных событиях есть место для сотворения добра. А на счёт мечты своей, то

поняла одно, нужно просто прочищать те самые образы-мгновенья и всё изменится однажды, просто не может быть иначе.

В деревне своей молодости, куда она приезжала на каникулы, было, как она считала, мерзко. Молодёжь не работала почти, а пили каждый день. Это издержки цивилизации всё больше заявляли о себе. Дети детей войны выросли. Их родители всю тяжесть брали на себя, думали за них, работали и не из жалости, а по привычке. Война не жаловала никого, да и после войны женщины Советского Союза всю тяжесть на своих плечах несли, детей жалели. Одного хотели, чтобы их дети не познали голода, нужды, страданий. Им не хватало мужиков, потому хоть какой, но только свой... Это приводило к вырождению мужика, как кормильца, защитника, гаранта для семьи.

В связи такого воспитания в цивилизованном мире (ближе к городам большим) порождались дармоеды, которые считались смыслом жизни пьянство, обман и пустоту души. Конечно, это не везде, но в иных случаях в разнос шли целые деревни. У таких людей, с одной стороны, во всём государство виновато, хоть государство и всё делало для человека, как могло, и жить всё легче становилось, и это облегчение одним стимулом жизни утверждало, другим?.. безответственность, пьянство, мелочность и низость.

Казалось иногда в некоторых деревнях, особенно, что человека современного нет совсем, а только эхо – отзвук прошлого, его самых плотных и эмоциональных правил. Василиса часто меняла место жительства из-за работы её отца. Так попала и в эту небольшую деревеньку в конце шестидесятых.

Запомнился их дикий образ жизни – безответственность, запущенность и образ буйного похмелья. На трассу выходили девки и заманивали в деревню какого-либо простачка. Конечно, этот простачок всем друг до гроба. Такое отношение обязывало к дружбе и действиям ответным, и эти действия только одни, надо за знакомство и за дружбу выпить... в итоге простачок оставался «голым». Муж её был из такой компании... Почему?.. она и сама не понимала, ведь знала...

Однажды помогла одному хорошему молодому человеку, доверчивому простачку. Его так же заманили в блатную хату, всё готово было, схема развода начала крутиться. Вот в этот момент Василиса появилась, пришла узнать, где муж её, увидела в доме разврата, так называла, молодого человека, всё поняла, и так жалко стало, что сердце защемило.

– Ты кто?.. – его спросила.

Не ответил юноша, только посмотрел по-детски. Он, действительно, не знал, ответить что, но эта женщина, которая появилась так неожиданно, была не похожа на компанию, в которую попал, она светом чистым в дом зашла, даже не просто светом, а огнём... Василиса ответа и не ждала, ей было абсолютно всё равно, кто он, поняла, что здесь очередной развод на деньги.

– Шёл бы ты отсюда, юноша, да поскорее, пока не оставили в трусах...

Но, договорить Виталий не позволил, к ней подошёл и грубо матом оборвал, это не испугало Василису. Тогда у неё только одна дочка маленькая была, и пьянство мужа и его измены надоели, они даже не пугали, уничтожали душу. Весёлая и чистая девчонка превращалась в бабу, бегающую собачкой за вечно пьяным мужем. Для любой женщины всего страшнее одиночество, но тогда она ещё не понимала, что страшнее одиночества только одиночество вдвоём. Вроде и кто-то рядом есть, но только для того, чтобы одиночество усилить.

Дочка у неё!.. она уже не одинока. Решила, что возьмёт её, и вместе с ней куда-нибудь уедет... туда, чтобы не нашли...

Видя, что из-за разборок Василисы пойманная «рыбка» может и уплыть, постояльцы дома блуда зашумели, оскорбляя Василису, даже просто выталкивали грубо, но эта грубость, маты, распущенность, наконец, отрезвила юношу, выбросила из гипноза оргии разврата. Он стал быстро одеваться, чтобы выскользнуть и убежать, куда подальше под шумок.

– А где пизон?.. – опомнился вдруг кто-то.

Все оглянулись... юноши не было нигде. Поняли, что уплыла «рыбка»... Наступила тишина, но она была зловещей. Не стала Василиса финала дожидаться, повернулась и со слезами убежала.

На улице уже темнело. Василиса шла домой, из глаз катились слёзы. Она считала себя сильной, но сейчас ей не хотелось сдерживать ту боль, что разрывала сердце, хотелось умереть, но!.. как можно?.. ведь дочка у неё. Поняла, что сейчас придёт домой и упадёт в холодную постель или зажмётся в угол... жизнь будто кончилась, а она ещё такая молодая.

Вдруг кто-то её окликнул. Повернулась, увидела юношу, что в доме был, которому она глаза открыла... Смутилась почему-то, быстро смахнула слёзы рукавом. Юноша робко подошёл:

– Спасибо вам.

– За что?..

– За то, что остерегли, глаза открыли, а то у меня какое-то затмение, ничего не понимал, – оправдывался парень.

– Как тебя зовут, юноша?.. – спросила Василиса.

– Игорь.

– Вот что, Игорь, иди на трассу, там остановка есть, может ещё успеешь на автобус.

– Хорошо-о... – замешкался, не зная, как к ней обратиться.

– Василиса меня зовут – грустно проговорила Василиса.

– Хорошо, Василиса. Ещё раз вам спасибо, – повернулся, но что-то удерживало, и он замешкался опять.

– Иди, Игорь, иди.

Но он опять к ней повернулся, видно было, что терзает его что-то.

– Вы простите, пожалуйста, меня.

– За что?.. – удивилась Василиса.

– За то, что убежал... как-то неудобно получилось... стыдно мне. Вы заступились, а я сбежал.

Улыбнулась Василиса, давно не встречала таких совестливых.

– И правильно сбежал, а то бы всё напрасно было, я ведь уже потом специально оттягивала внимание на себя, а краем глаза наблюдала за тобой. Ты Игорь просто молодец. Я ведь здесь живу, ничего не сделают, разве что отmaterят, так не привыкать – помолчала чуть, – а знаешь что, давай, я провожу тебя немного, дочка у мамы, а муж?.. знаешь где, и мне домой не к спеху.

– Как-то неудобно мне, Василиса, да и не хочу, чтобы у вас неприятности возникли, – ответил Игорь.

– Хуже мне уже всё равно не будет, пошли, здесь недалеко, метров двести.

Игорь пошёл несмело. Он будто приблизиться боялся, оставался где-то рядом, но всегда на расстоянии, оглядывался часто.

– Не оглядывайся, Игорь. Для мужа я уже стала проституткой, раз заступилась за тебя, да и видела у них на столе бутылки водки... пока не выпьют, не передерутся, не появятся. Водку то не ты им купил?..

– Я.

– Ну вот, что и говорила, значит, успели развести... Выходит, вовремя пришла – улыбнулась Василиса, довольная собой.

Игорь сменил тему.

– У вас имя сказочное, а живёте...

– Давай на ты, а то мне неудобно как-то. А имя?.. сказочное!.. только вот в жизни что-то сказки мало, – но опомнилась, чё жаловаться незнакомому человеку, – Расскажи лучше, Игорь, о себе.

– Что?.. – растерялся юноша, – я студент, в Политехническом учусь, – помолчал немного... – только не спрашивай, как я сюда попал.

– Не буду – согласилась Василиса.

И завязался разговор, как интересно, разговор был обо всём, юноша весьма начитан, и не о чём, он был просто разговором обо всём и ни о чём. Юноша ни разу к ней не прикоснулся, но всю дорогу она чувствовала его присутствие, будто не было его, было только одно присутствие, он заполнял пространство, и поэтому было легко общаться и просто, просто.

Сердце застучало часто, не от присутствия мужчины рядом, а от того, что почувствовало сердце, что оно свободно, вспомнило. В душе начал робко расцветать цветок того далёкого и самого близкого образа чистого мгновенья жизни, которое, как казалось, навсегда утеряно...

«Я есть!.. Я есть!.. Я есть!..» – радовалась сама любовь, закованная в цепи.

В голову пришла шальная мысль, когда увидела маленький поздний цветок на обочине дороги. Он, будто светлячок, светился в полумраке.

– Игорь!.. подари мне в благодарность что-нибудь.

– Что?.. – растерялся Игорь.

– Вон тот цветок, – Василиса показала.

Он удивился такой просьбе необычной, но подошёл и наклонился, чтобы сорвать. Она с замиранием следила за каждым его движением. Замер Игорь, будто что-то ему мешает сорвать цветок, а он понять не может. Прикоснулся пальцем, сел на корточки и, казалось, бесконечно долго на него смотрел, вдруг встал, цветок остался там, где был, повернулся к ней:

– Ты хочешь, чтобы я подарил тебе мёртвый цветок?..

Василиса смотрела на него широко открытыми глазами, по щекам катились две слезинки, как две росинки в преддверии рассвета.

– Не хочу, – ответила она, – как же ты отблаговаришь?.. если не цветок, то что?..

Парень растерялся, он не знал, не понимал... стал неуклюже шариться в карманах. Взгрустнула Василиса, из-за поворота автобус появился, времени осталось всего пару минут.

– Скажи, а ты мог девушке всю вселенную в дар преподнести?..

Совсем Игорь растерялся, было ощущение, что он рад появлению автобуса...

– Ты такая интересная!.. чудная и хорошая!..

– И ты... хороший собеседник, Игорь. Спасибо за хороший вечер, пусть этот вечер будет твоим даром и благодарностью твоей.

– Мы встретимся?..

– Нет, Игорь, не надо это не тебе и не мне, пусть останется, как чистое мгновенье жизни и у тебя, и у меня. Поцелуй меня и я пойду, вон твой автобус.

Он прикоснулся нежно губами к её щеке, слезинка мгновенно растаяла в его губах горячих... Повернулась Василиса и пошла. Она не оглядывалась, а просто уходила, чувствовала его всем сердцем, всей душой!.. нет, не Игоря, а своего возлюбленного из своей мечты. Он будто тихо наблюдал за ней, благодарил её за то, что вспомнила, освободила, опять пустила в сердце.

С тех пор прошло не много и не мало, а всего-то десять лет, но всё осталось неизменно, кроме того, что Василиса родила ещё двоих детей, сменили место жительства, думала, что всё изменится на новом месте... но, груз, который на себя взвалила, всё равно несла сама. Важно было то, что не отбрасывала больше те чистые мгновенья жизни, из которых создала в себе свой мир, и если было слишком тяжело, уходила в мир своей мечты, прочищала душу, набиралась силы, и меняла, строила и создавала прекрасными стихами, образами, фантазией, мечтой.

Это как отдушина, как родничок живой водицы, что утоляла жажду, наполняла сердце благом и теплом, которое она в мир выводила. В случай она не верила уже, да и в счастье, как говорится: с милым в шалаше. Решила, что в юности запросы нереальные для жизни были у неё.

Наступали годы застоя, жизнь улучшалась в социальном плане, но исчезал порыв, который на подвиг вдохновляет, а значит, жизни смысл терялся. Те, кто искали смысл, находили только в прошлом. Было время подвига для дедов – это революция, гражданская война, восстановление хозяйства, для отцов опять война, опять восстановление, целина, духовные порывы имели поле деятельности для реализации, как в социальном, творческом, патриотическом поле проявления. Дело было у поколений и было оно общественным, которое спланировало и наполняло... наполняло подвигом свершений.

К восьмидесятым казалось, что всё уже построено, создано и определено, чувствовалась неизбежность. Часть молодёжи ударились в науку, к знаниям и многое, и многое познали, но только единицы могли реализовать свой творческий потенциал в науке, в искусстве, творчестве, в постройке блага жизни. Хватало единиц, остальные прозябали на заводах, на фабриках, всяких НИИ, Главках и других конторах всех мастей... были знания, не было дела для реализации... государство не знало, что молодёжи предложить для реализации кипения энергий. Можно было, может и надо было, модернизацию затеять производства, но хлопотно, и никто в правительстве не шёл на это, а чистку партии боялись сделать.

Конечно, предложили БАМ, но для такой страны огромной это капля в море, да и подвиг этот был в прошлом Комсомольских строек, но молодости свой подвиг нужен. Росла бюрократическая система дармоедов. Получилось, что знания, которые доступны стали всем без исключения, в ловушку превратились для миллионов человек, знания требовали реализации и дел больших, просто огромных. Василиса оказалась одной из тех, кто угодил в ловушку много знаний...

«Хочу себя отдать я людям,
Любовь рассыпать, как цветы,
Хочу сама подняться к небу,
Взглянуть на Землю с высоты», —

в душе слова звучали болью, прекрасные порывы реализации способностей своих и силы.

«Уйти в себя... уйти – не возвращаться, но дети?.. Они и радость, и страданье!.. как светлячки – любовь и счастье, как смысл единственный и непреложный. Она ещё находила силы, чтобы жить, но отказалась полностью от счастья с милым в шалаше... пусть он останется в мечте навеки.

Звонок в дверь мгновенно вывел Василису из грёз воспоминаний, это девочки её, они на улице гуляли, сегодня выходной, она им обещала в поход сводить, или в парк поиграть... Мелькнула мысль: как бы было хорошо устроить семейный праздник – мама, папа, дети, свежий воздух, запахи лесные, пенье птиц и игры... Но нереально это, устраивать семейный праздник, муж с утра ушёл и только к вечеру вернётся пьяный... хорошо, если скандала не устроит... но думать об этом не хотелось.

Пошла, открыла дверь, дети весёлые и радостные в дом ввалились. Конечно же, они были не одни, узнали, что папы дома нет, подружек пригласили.

– Тише вы, испугаете Алёшу – попыталась Василиса успокоить детвору.

– Мама, а мы пойдём в поход?.. – спросила Оля.

Василиса поняла, что они все собираются в поход. Конечно, с ней родители отпустят, но хлопотно, хотя... она загорелась и сама детской энергией...

– Пойдём, только не в поход, а в парк, на берег. Вы вот что, собирайтесь, я сейчас накормлю Алёшу и пойдём.

Любила Василиса с детьми возиться, их непосредственность притягивала, порою удивляла. Через общение с детьми познала мудрость – Устами младенца истина глаголет... Вот и сейчас дочка спросила:

– Мама, а мне скоро будет сорок пять?..

– Зачем тебе?.. – улыбнулась Василиса.

– Потому что в сорок пять – баба ягодка опять!.. – заявила Оля. Сказала это многозначительно и гордо.

Улыбнулась Василиса:

– Долго ещё, дочка.

– А тебе?.. не унималась Оля.

– Мне?.. – тень в глазах мелькнула, как облако закрыло солнце на минутку, – мне-е... скоро, но ты к тому времени уже совсем большая станешь. Ты откуда это взяла?

– Так тётя Валя говорила... – подумала и заявила твёрдо, – я всё равно дождусь.

– Конечно же, дождёшься.

«Сорок пять!.. сорок пять!.. что-то сердце взволновалось... может рано я хороню надежду?.. ведь даже в сорок пять жизнь только начинается?.. или нет»?..

Василиса накормила трёхлетнего Алёшу и стала собираться. Девчонки игрушки собирали, вместе выбирали, что с собою взять, а что оставить. Мяч решили взять, куклы брать не стали... вдруг заблудятся в лесу... да в лесу и так всё интересно. Оля торопыжка, мяч отложила и забыла про него через минуту, но младшая Катюша основательной была, ходила следом и молча собирала всё в пакет, прежде выбирала, что нужней. Складывала только то, что считала нужным.

И вот они гурьбой бегут на берег, выбирают место, где веселее будет и привольней. Парк был недалеко от дома, чуть больше километра. Костёр, конечно, разводить не будут, да это и не надо, день тёплый, сердце греет. Главное, чтобы людей поменьше, поэтому немного углубились в лес, на берегу всегда больше народу.

Она умела вокруг себя пространство света создавать... может не света даже, а прозрачности какой-то лёгкой. К этому пространству если кто-то подходил с каким-то умыслом недобрым, то чувствовал себя довольно некомфортно. Для детей же это пространство было сказочно прекрасным. И дома у неё было такое же пространство. Что интересно, но эта разрежённость бесила мужа, ему было тяжело от чистоты душевной. Она это пространство никак не называла, не задумывалась даже.

На опушке небольшой полянки одеяло расстелили. Дети, а их было не мало, весело играли на полянке. Надо было только чуть направить, и их веселью не было предела. Смелка проявлялась, любопытство, Алёша любил рассматривать букашек, Катюша могла часами сидеть и слушать птичек, шелест листвы и звон солнечных лучей, заблудших в кроне небольших деревьев.

На этот раз Василиса им устроила соревнование и игры. Взяла с собою два мешка пустых, в которых надо прыгать с одного конца полянки на другой. Заранее закупила всяких конфет, кто вперёд допрыгает, конфетку получает. Сначала прыгали наперебой, но после конфеты стали не нужны, важен сам факт игры, веселья и единения в пространстве Василисы. Она и сама не отставала от детей, то затевала волейбол, или иную игру с мячом, её поддерживали, то устраивали кучу, которая всегда была мала, иногда ходили искупнуться, но недолго.

Наигравшись, лежали на траве и слушали, как земля поёт. Она говорила детям:

– Слышите, как радуется матушка земля!..

Все падали на землю и слушали. Она, действительно гудела... или пела, каждый слышал что-то своё, а кто-то, вообще, ничего не слышал. Тогда успокаивала Василиса:

– Ничего, земля, видать, тебе во сне расскажет и песенку споёт.

Так незаметно время пролетело. Все, уставшие немного, покрасневшиеся, сидели, отдыхали. Кто-то ел, что было, кто-то... Где-то вдали гром лёгкими раскатами пророкотал. Василиса поняла, что гроза не будет долгой, прикинула... до дома добежать не успевают, придётся здесь встречать, на берегу в лесу, ребяташек приготовить и найти укрытие. Вдруг поднялся

ветер сильный, правда, в лесу не сильно ощущался, но качание деревьев, вой ветра создавали ощущение сказочного мира.

Дети, как цыплята к ней прижались, надо бы куда-нибудь под дерево, чтобы укрыться, но гром гремел и молнии сверкали. Стало темно, и туча накрывала землю, Было красиво, туча шла, не закрывая небо всё от горизонта и до горизонта, шла прямо на них, сверкая молниями, будто искала жертву, но прежде очищая воздух от затхлости и зноя. Струи дождя стеною шли и вот-вот обрушатся на них. Укрыться возможности не представлялось. Просто собрались под небольшим деревцем, затихли, прижимаясь к ней. Это потом будет много разговоров, а сейчас!.. жуть, как страшно.

Василиса всё ещё выискивала место, хоть для частичного укрытия. Увидела, что ближе к берегу между двумя берёзками навесик небольшой, туда решила перебраться, конечно, не укроет полностью, но всё же лучше. Взяла Алёшу на руки и крикнула ребятам, пытаясь шум грозы перекричать:

– Побежали под навес ребята... друженько, не отставайте.

Ребята с шумом побежали, её не дожидаясь, но!.. вот этого никто не ожидал – навес навесом не был, одно название и обломки досок, ещё хуже, может и осколок доски на голову упасть. Василиса поняла, что теперь уже не скрыться, осталось сесть там, где стоят и хоть как-то прикрыться одеялом, что и сделали.

Первые капли на землю падать стали, крупные, как горошины, но тёплые, что успокоило немного. Присели дружно и прикрылись одеялом. Через минуту хлынул ливень, казалось, что волна воды сметает всё, что на пути встаёт, но странно?.. шум дождя?.. не достигает одеяла, а будто бьет по крыше. Василиса выглянула из-под одеяла, увидела, что кто-то их укрыл лодкой надувной и держал её руками, другой конец которой на земле лежал. По днищу этой лодки дождь хлестал и скатывался по уклону в землю.

«Кто же это»?.. поднялась, уже не прикрываясь, в следующее мгновение стала мокрая насквозь. Перед нею молодой человек стоял и аккуратно лодкой прикрывал детей, сам не прикрывался. Одежда прилипла к телу у него, как и у неё в следующее мгновение, выделяя все части тела.

Взгляд заметила его, смутилась...

– Вижу, ищите укрытие... вот, решил помочь. Куда же вы с такой оравой?

– Отдыхали – ответила просто Василиса.

– Далеко живёте?

– Нет, но всё равно не успевали.

От мужчины пар валил, казалось, что вода испарялась, не достигнув тела. Струи преломлялись в свете молний, сверкали радужой цветов. При сверкании молний, которые, казалось, были непрерывны, их тела, напитанные влагой, испускали свет. При встрече электрических разрядов зарницам играло всё пространство, создавая плотность света, которая чувствовалась каждой клеткой тела в виде трепетания клеток, как внутренний массаж.

– Открывайте ребятишек, пусть посмотрят, интересно же им будет.

– Им и так интересно. Домой придём, каждый по-своему расскажет.

– Понятно. Ведь у каждого из них своя вселенная, в которой тысячи миров сказочных и чистых.

– Вселенная?.. – Василиса замолчала, грусть в глазах мелькнула, – они про вселенную ещё не знают.

– Не знают!.. значит, и не разделяют.

– А вы как здесь оказались?.. – сменила Василиса тему разговора.

– На лодке плавал, загорал, вижу, гроза идёт, решил на берег выйти, здесь вас увидел.

– И что?.. сам хотел укрыться, нас увидел, решил пожертвовать?..

– Нет. Я укрываться не хотел, но, говорят, в воде не следует грозу встречать. Признаюсь честно, что не ожидал, конечно, фею встретить, такую милую... – посмотрел в упор на груди, которые выделялись в прилипшем платье.

Смутилась Василиса, даже покраснела, как девчонка:

– Не фея я, так что тебя разочарую, – перебила парня Василиса. Не любила, и не хотела мимолётных встреч... да и любая помощь обязывает только.

– Как не фея?.. – теперь он перебил её, – как солнышко сияешь, вон дождь до тела не доходит. Так с человеком не бывает.

«С человеком не бывает?.. не бывает... с человеком», но ведь он о себе ей говорит?.. и, именно, то, что она недавно подумала о нём.

– Удивлена?..

– В чём?..

– Что те же мысли приходили по отношению ко мне?

– Удивлена... хотя не очень, если точно.

– Почему?.. веришь в чудеса?

– То, что элементарно, чудом не бывает.

– Как знать, как знать!.. всё объясненья требует. Вот и сегодня, придёшь домой и будешь думать, а был ли я, вообще, была ли гроза, эта лодка, этот разговор. Всё будет чётко вспоминаться, но вперемешку с невысказанными мыслями.

– И какие же невысказанные мысли у меня?..

– Ты думаешь, а мог ли я в дар тебе вселенную преподнести...

Василиса обомлела.

– Ты не думай, нет здесь чудес, простая наблюдательность, ты сама уже не раз, как бы между строк этот вопрос задала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.